

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Оришев А. Б.

(Москва)

Ряполов В. В.

(Елец)

УДК 94

**АБВЕР-3: МЕТОДЫ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР (июнь 1941 – февраль 1942)**

Залогом успешной деятельности любой армии является налаженная работа ее подразделений, ответственных за контрразведку. В вермахте эта функция была возложена на абвер-3 – один из отделов абвера (германской военной разведки и контрразведки). В основу источниковой базы положены трофейные германские документы, комплект которых был обнаружен в фондах Центрального архива Министерства обороны. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в научный оборот вводятся документы, ранее недоступные для научных кругов и общественности. В статье анализируются методы, применяемые абвер-3 в период с июня 1941 г. по февраль 1942 г. на оккупированных советских территориях. Рассматриваются: деятельность германской контрразведки по пресечению вражеской пропаганды, абверовская методика сохранения государственной тайны, действовавшие в годы Второй мировой войны инструкции о поведении в плену солдат вермахта. Подробно рассматривается такой метод абвер-3, как конспирация, приведены основные требования к хранению секретных документов в вермахте. Показано, что офицеры абвер-3 выполняли в нацистской Германии роль цензоров. Главный научный результат: авторы показали, что работа германской контрразведки была строго регламентирована и поставлена на довольно высокий методический уровень. Данный вывод подчеркивает то, что на полях тайной войны советской разведке противостоял серьезный противник, одержать победу над которым оказалось возможным только при условии высокого профессионализма и верности долгу.

Ключевые слова: контрразведка, вермахт, абвер-3, пропаганда, поведение в плену, секретные документы, конспирация.

The key to the successful operation of any army is the well-organized work of its units responsible for counterintelligence. In the Wehrmacht, this function was assigned to abwehr-3 - one of the departments of abwehr (German military intelligence and counterintelligence). The source base is based on captured German documents, a set of which was found in the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time documents are introduced into scientific circulation that were previously inaccessible to the scientific community and the public. The article analyzes the methods used by the Abwehr-3 in the period from June 1941 to February 1942 in the occupied Soviet territories. The activities of the German counterintelligence to suppress enemy propaganda, the Abwehr method of preserving state secrets, and instructions on the behavior of Wehrmacht soldiers in captivity that were in force during the Second World War are considered. Such an Abwehr-3 method as conspiracy is considered in detail, the main requirements for the storage of secret documents in the Wehrmacht are given. It is shown that officers of the Abwehr-3 performed the role of censors in Nazi Germany. The main scientific result: the authors showed that the work of the German counterintelligence was strictly regulated and placed on a fairly high methodological level. This conclusion emphasizes

es the fact that on the fields of the secret war, Soviet intelligence was confronted by a serious enemy, which was possible to defeat only with high professionalism and devotion to duty.

Keywords: counterintelligence, wehrmacht, abwehr-3, propaganda, behavior in captivity, secret documents, conspiracy.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-130-139

Настоящая работа представляет собой продолжение предыдущей статьи, опубликованной в журнале «История: факты и символы» еще в 2019 г. [14, с. 59-67]. С тех пор отечественная историография обогатилась несколькими исследованиями по истории германской военной разведки и контрразведки. Краткий сравнительный анализ абвера и Смерша дан в работе Н. И. Котляра и В. В. Дзюбана [7, с. 306-308]. Методам выявления агентов абвера, внедренных противником в партизанское движение, посвящено исследование С. А. Лукьянова [12, с. 75-87]. Вопросы сотрудничества абвера с украинскими националистами были подняты А. В. Козловым [6, с. 67-74]. Сотрудничеством абвера с финскими спецслужбами занимался С. Г. Веригин [2, с. 163-172]. Информацию о германских диверсионных школах на оккупированных территориях мы находим в исследованиях С. В. Кулинок и Л. П. Халяпиной [9, с. 347-355; 10, с. 215-219].

Наряду с вышеперечисленными, в плане получения эмпирического материала для настоящего исследования оказались полезными и некоторые другие публикации отечественных историков [3, с. 43-67; 4, с. 73-80; 5, с. 275-280; 8, с. 67-69; 13, с. 52-60; 15, с. 11].

Что касается работ зарубежных авторов, то можно назвать исследование Стивена Бунеса – профессора Университета Тромес, посвященное операциям германской контрразведки против норвежских партизан [1, с. 132-142].

Таким образом, за последние три года историография пополнилась работами по истории спецслужб третьего рейха. Вместе с тем, тема абвер-3 осталась практически не раскрыта. Следовательно, она по-прежнему остается актуальной и требующей новых подходов.

Абвер-3 (третий отдел абвера) – орган разведки и контрразведки в составе германских вооруженных сил (нем. Abwehr – оборона, отражение). Прежде чем говорить о методах контрразведывательной деятельности этой организации, скажем несколько слов о ее структуре. В каждой немецкой роте имелся офицер или унтер-офицер, в задачи которого входило обеспечение контрразведывательной работы, соблюдение конспирации и т.д. При каждом штабе, начиная с батальона и выше, назначался «офицер для контрразведывательной службы», в обязанности которого наряду с его повседневной деятельностью, входило проведение контрразведывательных мероприятий, главным образом против действий тайной службы противника. Возглавлял абвер-3 в изучаемый нами период полковник Франц Бентивеньи.

Офицеры контрразведывательной службы имели право: вносить предложения командованию о необходимых мероприятиях действующей армии; возбуждать полицейские дела в тылу действующей армии, привлекая сюда офицеров Генштаба, специально предназначенных для работы в тылу; вносить предложения по конспирированию донесений разведки, а также проводить мероприятия, ведущие к ослаблению разведки противника.

Важнейшая задача, которую выполнял абвер-3 – пресечение шпионажа. Согласно методическим инструкциям, шпиона следовало задержать, а не убивать, если он пойман с поличным. Только в случае самообороны и при попытке к бегству против него могло быть применено оружие. То же относилось и к жителям военных зон, уличенных в преступной деятельности. Инструкция также требовала не убивать партизан, если только их смерть не последует в ходе столкновения. Милицейские и добровольческие отряды рассматривались не как партизаны, а как солдаты, если они открыто носили оружие или определённые, издали заметные, знаки и при обыске соблюдали обычаи и законы войны [16, л. 179-180]. Заметим, что английская контрразведка (Управление военной разведки (DMI), отдел MI-5 –

контрразведка) вследствие своей военной структуры рассматривалась абвер-3 как милиция. Правовым основанием того служила Гаагская конвенция 1907 г.

Абвер-3 определил несколько категорий подозрительных лиц, входящих в группу риска как «шпионы». Это представители прессы; лица, делавшие солдатам подарки (особенно тщательно следили за отпускниками и солдатами-резервистами); незнакомые женщины, которые вступали в переписку с солдатами действующей армии; иностранцы, прежде всего, представители нейтральных стран. По сути, любое проявление любопытства могло привлечь к себе внимание со стороны контрразведки.

Под подозрение в шпионаже также попадали лица, находящиеся вблизи фронта и не имеющие на то удостоверений; не имеющие определённого места жительства, или пытающиеся незаметно проскользнуть мимо часового; без надобности находящиеся на важных транспортных объектах, железнодорожных и автомобильных путях, на дорожных и водных строениях, заводских сооружениях и занимающиеся там фотосъёмкой, зарисовкой, различными набросками. Особое внимание уделялось тем, кто пытался ловить почтовых голубей и воздушные шары.

В каждом случае германскому солдату надлежало немедленно сообщить ближайшему начальнику, отдать найденный материал и при неминуемой опасности сообщить ближайшему офицеру или полевому жандарму. Если вблизи никого нет, то военнослужащий был обязан задержать подозрительное лицо и доставить его в ближайшую войсковую часть или к ближайшему часовому. При задержке надлежало тщательно обыскать, отобрать оружие, не дать задержанному возможности что-либо бросить, разорвать, проглотить. Отобрать предметы-улики (прежде всего, печатные и написанные документы) и сдать их вместе с задержанным. Также требовалось изъять спички и табачные изделия, с задержанным не разговаривать.

Одной из задач абвер-3 было не дать противнику возможности получить сведения, составляющие государственную тайну. Несмотря на подробное разъяснение всем военнослужащим об опасности шпионажа, предательства и саботажа, разглашение военных тайн солдатами и офицерами вермахта приняло значительные размеры. «Нельзя избежать того, что во время войны по целому ряду причин расширяется круг законспирированных людей. Военные события никогда нельзя абсолютно скрыть. Но объём, цели и течение этих событий должны быть оставлены в секрете. Только таким образом могут быть предотвращены нездоровая склонность некоторых слоёв оглашать военные тайны», – говорилось в так называемых «наставлениях» войсковым частям от абвер-3 [16, д. 216, л. 196-197]. В этом же документе отмечалось, что возможности для разглашения секретов предоставляются, в первую очередь, в дороге, гостинице, в письмах и дневниках, во время отдыха дома, в разговорах по телефону. Поэтому от офицеров и военных чиновников требовалось хранить военную тайну в устных и телефонных разговорах, в письмах и дневниках, даже по отношению к товарищам и родным, сослуживцам и случайным знакомым. И неукоснительно следовать указаниям:

- «осторожность в приказах, касающихся оперативной работы, в особенности, если они относятся к нижестоящим органам. Не указывать сроков проведения данных мероприятий. Приказы давать отдельными распоряжениями;
- выдачу приказов производить самому ограниченному кругу людей. За список рассылки приказов лично отвечает не только составляющий, но и подписывающий приказ;
- телеграфный и телефонный вызов отпускников из отпуска, полученного на определённый срок, может повлечь за собой неправильные толкования. Поэтому запрещается вызов отпускников, также и офицеров из отпуска. Штабы и войска должны обойтись без отпущенных солдат;

- если гражданские учреждения имеют какое-либо отношение к секретным делам, то надо ограничить их количество;
- на время приготовления военных мероприятий можно потребовать отстранения гражданских учреждений. Созданные вследствие этого затруднения и пробелы в работе должны быть приняты во внимание. Они будут восполнены, как только разрядится конспиративная атмосфера;
- во время телефонных разговоров необходимо считаться с возможностью подслушивания. Поэтому по телефону не должны быть названы ни секретные даты, ни какие-либо другие сведения, касающиеся обороны страны. То же относится к частной почтовой и телеграфной корреспонденции;
- при всех частных разговорах, в кругу друзей и семьи не должно быть речи о мероприятиях по обороне страны. Особенно сдержанным нужно быть в отношениях с иностранцами, представителями иностранных миссий и посольств;
- при служебных разговорах нужно предварительно проверить все предпринятые мероприятия против подслушивания. Количество участников секретных совещаний должно быть сведено до минимума;
- при отправлении секретных документов курьеры должны иметь при себе оружие и зажигательные средства» [16, л. 194-196].

В абвере-3 исходили из того, что для противника ничего не существует в войне неважного. Поэтому каждое разглашение государственной военной тайны каралось военным судом. Правовой базой для этого был Закон о предательстве и другие нормативные акты.

В результате Московской битвы вермахт потерял убитыми 25 443 солдат и офицеров, 5045 числились как пропавшие без вести [11, с. 121]. Часть последних попала в советский плен, что сразу же отразилось в методических рекомендациях, разработанных абвер-3.

В абвере-3 от каждого немецкого солдата ожидали, что он предпочтёт плену смерть в бою с оружием в руках. Но при известных обстоятельствах боя учитывалось, что может случиться то, когда тот «будет иметь несчастье попасть в руки противника». Поэтому он должен помнить, что клятва также связывает и пленного солдата и обязывает его к дальнейшей преданности своей родине.

Пленному надлежало действовать следующим образом: немедленно уничтожить или спрятать служебные бумаги (приказы, донесения, карты, наброски, письма, блокноты и т.д.), и сделать это незаметно. Личный опознавательный знак следовало оставить.

Регламентировалось поведение при допросе: можно называть только время, место рождения и чин. На вопрос о номере части следует предъявить личный опознавательный знак, без каких бы то ни было устных дополнений. Запрещалось не только передавать какие-либо военные сведения, но и отвечать на вопросы политического или хозяйственного характера. Абвером-3 была дана четкая установка: «на всякий другой вопрос не отвечать, потому что во всех случаях эти ответы могут быть полезны противнику, подвергнут опасности жизнь многих товарищей и являются предательством, которое по окончании войны карается самым строгим образом. Никакие угрозы или пытки не должны изменить что-либо в поведении пленного. Болтливость может стоить жизни многим товарищам».

Если допрашивающий офицер делал вид, что он уже во все посвящён и утверждал, что другие пленные уже всё сказали, то следовало не давать ответа. Хорошее обращение (предлагают курить, хорошее питание и жилищные условия) – это уловка врага! Хорошее обращение длится до тех пор, пока у пленного ещё можно выудить какие-либо сведения. Солдат, дающий показания, является предателем даже в глазах самого противника и после показаний рассматривается как таковой. И если в контрразведку поступали какие-либо сведения о том, что германский солдат, находясь в плену, давал показания, то об этом факте докладывалось главному военному поверенному при военном суде в Берлине.

В самом общем виде при нахождении в плену надлежало руководствоваться следующими принципами: необщительность по отношению к другим незнакомым пленным (подозрение, что они шпионы. Считалось, что среди немецких военнопленных можно нередко встретить шпионов, подосланных русскими); осторожность во время бесед в закрытых помещениях (скрытые звукоулавливатели); никогда не давать честного слова.

Важным источником сведений для советской разведки были не только показания военнопленных, но и найденные у них во время обыска письма. Руководство абера-3 было вынуждено признать, что найденные у пленных письма сказываются самым неблагоприятным образом. Дело в том, что наряду с обычными хозяйственными заботами в них сквозило стремление к скорейшему окончанию войны. И надо сказать, что эти письма советская пропаганда умело использовала в своих целях, демонстрируя упаднический дух среди солдат вермахта после поражения под Москвой. В качестве примера приведем один из подобных документов – краткую выдержку из дневника капитана, командира 1-го батальона 22-го пехотного полка Эрнста Поната: «4.2.1942 г. Я по-прежнему живу на командном пункте майора Бума (1-ый лыжный батальон 423 пп). Батальон выполняет различные лёгкие задачи и находится всегда в полной боевой готовности. Я потею от страха при мысли, что наши сдадут свои позиции и мой штаб отсекут от батальона. Наши блиндажи всё еще строятся. Атаки русских снова довольно ожесточенные» [17, л. 74]. Из письма пленного унтер-офицера Отмара Лергера: «Мы очень боимся русской зимы. Здешние морозы не идут ни в какое сравнение с нашими. Эта война ведется, как говорится, за жизненное пространство. Я против этой войны, т.к. жизненное пространство нельзя искать за тысячи километров от своей территории» [16, л. 5]. Еще более жесткие признания мы находим в письме командира 7-й пехотной дивизии (имя неизвестно – авторы): «Если противник продолжит свои атаки, то поражения не исключены; разве только придут свежие силы, которые, наконец, смогут сменить наиболее уставшие пехотные соединения. Я говорю здесь не по поводу своей дивизии, которая находится еще в лучшем состоянии, чем многие другие соединения, а вообще. Если большие потери будут продолжаться, я вижу решительную опасность для дальнейшего ведения войны и для нации вообще. Наш народ не обладает жизнеспособностью русских» [17, л. 27].

В абвер-3 признавали, что из психологических соображений невозможно абсолютно запретить брать с собой письма. Однако нужно вести воспитательную работу с личным составом в таком направлении, чтобы они не брали с собой на передовую линию то, что может быть использовано пропагандой противника. Иными словами, руководство абвер-3 в данном случае, понимая бессмысленность запретов, пыталось воздействовать на солдат убеждениями и уговорами. Поэтому им строго предписывалось не брать на фронт только письма, в которых говорилось о тяжелом положении на родине, о потерях, о желании прекратить войну. Так или иначе, но солдаты вермахта, которые брали с собой на передовую позицию письма и дневники, подвергали себя опасности быть обвиненными в предательстве и могли по окончании войны быть привлечены к ответственности.

Ведение личных дневников разрешалось только там, где они не могли попасть в руки противника. За надёжное хранение дневника отвечал автор. И надо сказать, что эти предостережения не были лишними. Во время одной из операций английской разведки в Иране в руки спецслужб союзников попал дневник офицера СД (SD – Sicherheitsdienst, службы безопасности) Франца Майера. Результаты хорошо известны: в Иране были проведены массовые аресты агентов абвера и СД и просто сочувствующих третьему рейху.

Эффективным методом для сохранения секретов в абвер-3 считали конспирацию. Сотрудники контрразведки исходили из того, что чем меньше разведывательная служба противника узнает о германской военной мощи, тем эффективнее будет ведение войны. Отсюда требование молчания относительно служебных дел и предосторожность во всех высказываниях, чертежах и записях. Всегда и всюду, также и на родине немцам внушалась мысль:

«Враг подслушивает!» Враг подслушивает, и на фронте существует угроза подслушивания не только телефонных разговоров, но и во время отдачи команд, совещаний, бесед.

В такой обстановке на отдыхе и дома немцы считались с тем, что подслушивают другие, а те намеренно передадут услышанное дальше. Согласно методике абвер-3, письменные сообщения (письма и открытки) не должны были содержать никаких сведений о германских войсковых частях. Например, информация о вооружении и обмундировании, имена военачальников, сведения о потерях, местах расположения, подробности позиций и т.д. Строго запрещено было передавать сведения о военных намерениях, переводе войск, о военном хозяйстве, призыве определённых возрастов. Также запрещалось сообщать что-то о настроении, питании, состоянии здоровья, т.к. корреспонденция всегда обсуждается дома, а там могут быть шпионы.

Вполне резонно в абвер-3 допускали, что письма к друзьям в армию могут попасть в руки неприятеля. Поэтому и на них распространялись вышеперечисленные запреты.

Конспирация охватывала множество объектов. Здесь тоже все регламентировалось. На квартирах, железнодорожных вагонах и другом транспорте запрещалось указывать нумерацию войсковых частей. Существовала особая осторожность в оформлении документов. Ничего такого, что может быть использовано противником, не должно попасть к нему в руки. Так, служебные записки (прежде всего приказы, карты, чертежи, ведомости) не должны были лежать на виду у всех; документы не текущего порядка нельзя брать с собой на передовую линию. В случае угрозы плена – уничтожать. Не менее тщательно охранялись и кабинеты. От их хозяев требовали проявлять осторожность в присутствии чужих людей: запирать всё, что имеет секретный характер.

В абвер-3 была разработана подробная инструкция о хранении секретных документов. Секретными документами признавались написанные и печатные бумаги, телеграммы, чертежи, карты, акты, планы и фотоснимки, знать о которых должен, в интересах обороны страны, только узко ограниченный круг лиц. Поэтому они подлежат засекречиванию. Отличительным знаком секретных документов служили литеры «VS» (Verschlusssache). По возможности они печатались красным шрифтом.

В вермахте были приняты следующие обозначения, исходя из степени важности документов:

а) «Только для служебного пользования»: гриф ставился на печатных текстах, чертежах, планах, картах, фотоснимках и других материалах. Эти материалы были доступны каждому лицу, работающему в военном учреждении, если в нём есть служебная необходимость;

б) «Секретно»: хранились и использовались только высшим и старшим командным составом;

в) «Секретное штабное дело» / совершенно секретно»: хранились и использовались только офицерами и чиновниками высших служб.

При ограничениях во времени и пространстве, также и солдатам, могли быть предоставлены документы с грифом, указанным в пунктах «б», «в». Эти солдаты привлекались к работе с секретными документами в качестве писарей, регистраторов, если они по возрасту, солидности и другим данным внушали доверие.

Самые секретные документы помечались грифом «g. Kdos». Они могли быть использованы только высшими штабами.

Контрразведка следовала правилу: чем меньше количество секретных документов, тем больше возможностей их хранения. Поэтому нужно брать с собой только самые необходимые секретные документы. По мере возможности ничего не брать с собой на передовую позицию, также никаких личных заметок, могущих быть полезными противнику. Секретные документы, которые берутся в виде исключения на передовую позицию, должны быть в случае угрозы опасности немедленно уничтожены.

В полёт, поездку или для военно-морских операций солдаты и офицеры могли брать только документы, необходимые для технических и тактических мероприятий. Доставка секретных документов только шофёром или лётчиком считалась абсолютно недопустимой.

Были разработаны правила хранения секретных документов. Их надлежало носить лично при себе или помещать в специальные футляры (желательно в железных ящиках, которые должны находиться под постоянной охраной). Складывать секретные документы в коробки из-под бумаг категорически запрещалось. Если помещения, в которых хранились секретные документы, оставались даже на короткий срок, то их надлежало запираить или поставить к ним охрану. Весь подсобный материал (записки, наброски, копировальная бумага) немедленно сжигался. Акт уничтожения документов фиксировался в специально заведенной для этой цели книге.

Согласно абверовской инструкции, уборка рабочих документов производилась только в присутствии ответственного лица; карты и чертежи прикрывались. Ключи не должны даже временно оказаться у посторонних лиц.

Важные документы, которые, по мнению абвер-3, следовало сохранить для написания в будущем истории войны, время от времени отправлялись в одном экземпляре начальнику военного архива в Потсдаме. В архив также направлялись личные дневники или другие важные для будущего времени бумаги; на секретной обложке записывалось имя, фамилия и год рождения.

На некоторых немецких документах проставлялся гриф «g. Kdos», что означало «секретное штабное дело». Если такой документ копировался, то на новых экземплярах указывался тот же номер. Подлинность этих документов мог удостоверить только старший и высший офицерский состав.

Выдача и передача секретных документов подлежала обязательной регистрации. Пересылались секретные документы в плотном конверте, по возможности в запечатанном виде. Для этой цели привлекались исключительно доверенные лица. Через полевую почту секретные документы посылались заказными, а совершенно секретные – ценными пакетами. При отправлении выдавались квитанции красного цвета.

Потеря секретных документов и секретно хранящегося оружия давало повод к подозрению в шпионаже, после чего проводился тщательный обыск, результаты которого немедленно сообщались вышестоящей служебной инстанции. Степень виновности устанавливалась офицером контрразведки, он же решал вопрос о прекращении дела.

Офицеры абвер-3 выполняли роль цензоров. Цензуре подлежали письма и посылки, телефонная и телеграфная связь, фототелеграммы, радиосвязь, голубиная почта, а также всякие другие средства связи. Офицеры контрразведки могли, по своему усмотрению на определённое время прекращать или ограничивать телефонную и телеграфную связь. Для конспирирования предстоящих операций все командиры могли временно выключать связь в казармах и вообще прекратить всякую связь с казармами.

Полевая цензура проверяла почту у контрразведывательных офицеров частично. Если офицеры контрразведки в районе военных операций временно устанавливали блокаду, то это распространялось также и на полевую почту.

Для борьбы против шпионов и диверсантов офицеры контрразведки могли предпринимать в районе боевых операций следующие контрмеры:

- а) ограничение и запрещение связи между отдельными лицами;
- б) устранение подозрительных лиц;
- в) запрещение въезда и выезда из прифронтовых районов;
- г) запрещение населению распространения сведений военного характера;
- д) охрана проволочных средств связи от присоединений и включений;
- е) обнаружение неофициально работающих радиостанций, конфискация частных почтовых голубятен, перехват иностранных почтовых голубей;

ж) объявление больших денежных наград населению за выдачу агентов и лиц, высадившихся из самолётов или приземлившихся парашютистов и за выдачу агитационного материала неприятеля. Установление штрафов за скрывание найденных листовок;

з) применение особых мер предосторожности в отношении перебежчиков, которые могут быть использованы лишь после тщательной проверки [16, л. 175-176].

Подводя итоги исследования, можно говорить о том, что работа абвер-3 была организована в полном соответствии с присущей немецкому народу пунктуальностью, доведенной до педантизма. И в этом плане непрофессионализм его отдельных сотрудников компенсировался хорошо организованным порядком. Противостоять этой машине было непросто. И все же это удалось советским спецслужбам, которые на полях тайной войны противопоставили противнику не меньший профессионализм и любовь к родине. И как результат – деятельность НКВД и партизан в тылу германских войск так и не была нейтрализована.

Список источников и литературы

1. Бунес, С. (2020). *Абвер и операции советской разведки в Восточном Финнмарке: охота за «партизанами»* // Заполярье. 1944-1945: война, повседневность, память. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию освобождения Советского Заполярья, Северной Норвегии (Восточного Финнмарка) и выхода Финляндии из войны. Москва: Политическая энциклопедия. С. 134-142.

2. Веригин, С. Г. (2019). *Сотрудничество финской и немецкой разведок (1941-1944)* // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Материалы VII международной конференции. Научный редактор К. Ф. Белоусов. Петрозаводск: ПГУ. С. 163-172.

3. Греков, Н. В. (2019). *Перевербовка и использование агентуры противника контрразведкой Красной Армии в 1941-1945 гг.* // Вопросы истории. № 1. С. 43-67.

4. Калинина, Е. А. (2022). *Борьба с вражеским десантом на территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны* // Сибирский архив. № 2 (12). С. 73-80.

5. Кашин, В. В. (2020). *Борьба с агентурой нацистских спецслужб на Урале* // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сборник научных статей. Под общей редакцией С. А. Минюровой, Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. С. 275-280.

6. Козлов, А. В. (2019). *Подготовка украинских националистов к войне Германии против СССР* // Военно-исторический журнал. № 9. С. 67-74.

7. Котляр, Н. И., Дзюбан, В. В. (2020). *Абвер и Смерш: история двух разведок* // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки прошлого, угрозы будущего. Материалы X международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 2. Москва: Институт мировых цивилизаций. С. 306-308.

8. Котюков, К. Л. (2019). *Привлечение представителей российской военной эмиграции к боевым операциям в составе войсковых и полицейских частей вермахта и войск сс в период великой отечественной войны на территории СССР* // Russian Colonial Studies. № 1. С. 67-99.

9. Кулинок, С. В. (2019). *Система подготовки немецкой разведывательно-диверсионной агентуры на территории Беларуси в годы Великой отечественной войны* // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Редколлегия: Т. И. Морозова, И. С. Чернова [и др.]. С. 347-355.

10. Кулинок, С. В., Халяпина, Л. П. (2019). *Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Советского Союза в 1941-1944 гг.: количественные и региональные характеристики* // Вопросы истории. № 12-3. С. 215-219.

11. Литвиненко, В. В. (2022). *Людские потери Красной Армии в Московской битве* // Военная мысль. № 2. С. 117-133.
12. Лукьянов, С. А. (2020). *Деятельность органов и подразделений НКВД СССР по контрразведывательному обеспечению партизанского движения в годы великой отечественной войны* // Актуальные вопросы противодействия фальсификациям истории Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы). Материалы межведомственного круглого стола. Саратов: ООО «Амирит». С. 75-87.
13. Надтачаев, В. Н. (2020). *Деятельность абвернебенителле «Минск» на оккупированной территории Беларуси: историография* // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. Т. 65. № 1. С. 52-60.
14. Оришев, А. Б., Ряполов, В. В. (2019). *Абвер-3 и тайная полевая полиция: принципы и методы работы контрразведки вермахта* // История: факты и символы. № 2 (19). С. 59-67.
15. Суржик, Д. В., Синицын, М. В. (2019). *Война спецслужб в Испании* // Электронный научно-образовательный журнал "История". Т. 10. № 2 (76). С. 11.
16. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12480. Д. 216.
17. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 317.

References

1. Bunes, S. (2020). *Abver i operatsii sovetskoy razvedki v Vostochnom Finnmarke: okhoty za «partizanami»* [Abwehr and Soviet intelligence operations in Eastern Finnmark: the hunt for "partisans"] in Zapolyar'e. 1944-1945: voyna, povsednevnost', pamyat'. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu osvobozhdeniya Sovetskogo Zapolyar'ya, Severnoy Norvegii (Vostochnogo Finnmarka) i vykhoda Finlyandii iz voyny. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 134-142. (in Russian).
2. Verigin, S. G. (2019). *Sotrudnichestvo finskoy i nemetskoy razvedok (1941-1944)* [Cooperation between Finnish and German intelligence services (1941-1944)] in Istoricheskie chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti. Materialy VII mezhdunarodnoy konferentsii. Nauchnyy redaktor K. F. Belousov. Petrozavodsk, PGU, 163-172. (in Russian).
3. Grekov, N. V. (2019). *Pereverbovka i ispol'zovanie agentury protivnika kontrrazvedkoy Krasnoy Armii v 1941-1945 gg.* [Rerecruitment and the use of enemy agents by counterintelligence of the Red Army in 1941-1945] in Voprosy istorii, 1, 43-67. (in Russian).
4. Kalinina, E. A. (2022). *Bor'ba s vrazheskim desantom na territorii Kazakhstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Fighting an enemy landing on the territory of Kazakhstan during the Great Patriotic War] in Sibirskiy arkhiv, 2 (12), 73-80. (in Russian).
5. Kashin, V. V. (2020). *Bor'ba s agenturoy natsistskikh spetssluzhb na Urale* [The fight against the agents of the Nazi special services in the Urals] in Velikiy podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii. Sbornik nauchnykh statey. Pod obshchey redaktsiey S. A. Minyurovoy, Yu. I. Biktuganova, M. V. Boginskogo, 275-280. (in Russian).
6. Kozlov, A. V. (2019) *Podgotovka ukrainskikh natsionalistov k voyne Germanii protiv SSSR* [Preparing Ukrainian nationalists for the German war against the USSR] in Voennistoricheskiy zhurnal, 9, 67-74. (in Russian).
7. Kotlyar, N. I., Dzyuban, V. V. (2020). *Abver i Smersh: istoriya dvukh razvedok* [Abwehr and Smersh: the history of two intelligence agencies] in Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsiy. Uroki proshlogo, ugrozy budushchego. Materialy X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh chastyakh. Chast' 2. Moscow, Institut mirovykh tsivilizatsiy, 306-308. (in Russian).
8. Kotyukov, K. L. (2019) *Privlechenie predstaviteley rossiyskoy voennoy emigratsii k boevym operatsiyam v sostave voyskovykh i politseyskikh chastey vermakhta i voysk ss v period ve-*

likoy otechestvennoy voyny na territorii SSSR [Involvement of representatives of the Russian military emigration in combat operations as part of military and police units of the Wehrmacht and SS troops during the Great Patriotic War on the territory of the USSR] in *Russian Colonial Studies*, 1, 67-99. (in Russian).

9. Kulinok, S. V. (2019). *Sistema podgotovki nemetskoj razvedyvatel'no-diversionnoj agentury na territorii Belarusi v gody Velikoy otechestvennoy voyny* [The system of training German reconnaissance and sabotage agents on the territory of Belarus during the Great Patriotic War] in *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Sbornik materialov Vserossiyskoj molodezhnoy nauchnoy shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Redkollegiya T. I. Morozova, I. S. Chernova [i dr.]*, 347-355 (in Russian).

10. Kulinok, S. V., Khalyapina, L. P. (2019). *Nemetskie razvedyvatel'no-diversionnye shkoly i kursy na territorii Sovetskogo Soyuzha v 1941-1944 gg.: kolichestvennye i regional'nye kharakteristiki* [German reconnaissance and sabotage schools and courses on the territory of the Soviet Union in 1941-1944: quantitative and regional characteristics] in *Voprosy istorii*, 12-3, 215-219. (in Russian).

11. Litvinenko, V. V. (2022). *Lyudskie poteri Krasnoy Armii v Moskovskoy bitve* [Human losses of the Red Army in the Moscow battle] in *Voennaya mysl'*, 2, 117-133. (in Russian).

12. Luk'yanov, S. A. (2020). *Deyatel'nost' organov i podrazdeleniy NKVD SSSR po kontrrazvedyvatel'nomu obespecheniyu partizanskogo dvizheniya v gody velikoy otechestvennoy voyny* [Activities of bodies and divisions of the NKVD of the USSR on counterintelligence support of the partisan movement during the Great Patriotic War] in *Aktual'nye voprosy protivodeystviya fal'sifikatsiyam istorii Velikoy Otechestvennoy voyny (k 75-letiyu Pobedy). Materialy mezhdovedomstvennogo kruglogo stola. Saratov, OOO «Amirit»*, 75-87. (in Russian).

13. Nadtachaev, V. N. (2020). *Deyatel'nost' abvernebenshtelle «Minsk» na okkupirovannoy territorii Belarusi: istoriografiya* [The activities of the abvernebenstelle "Minsk" in the occupied territory of Belarus: historiography] in *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk*, 65, 1, 52-60. (in Russian).

14. Orishev, A. B., Ryapolov, V. V. (2019). *Abver-3 i taynaya polevaya politsiya: printsipy i metody raboty kontrrazvedki vermakhta* [Abwehr-3 and the Secret Field Police: Principles and Methods of Wehrmacht Counterintelligence] in *Istoriya: fakty i simvolyy*, 2 (19), 59-67. (in Russian).

15. Surzhik, D. V., Sinitsyn, M. V. (2019). *Voyna spetssluzhb v Ispanii* [War of special services in Spain] in *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*, 10, 2 (76), 11. (in Russian).

16. Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO) [Central Archive of the Ministry of Defense], f. 500, op. 12480, d. 216.

17. TsAMO [CAMD], f. 500, op. 12480, d. 317.